

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2025 г. О.С. Румянцева
г. Москва, Россия

**«МАТЬ БОГА? ЛЮДЕЙ? ЧЬЯ?»:
БОГОРОДИЦА В ПОЭТИЧЕСКОМ ЦИКЛЕ Э. ШЕЛЬБУРГ
ЗАРЕМБИНЫ «МАТЬ И СЫН»**

Аннотация: В статье анализируется стихотворный цикл «Мать и Сын» польской поэтессы Э. Шельбург Зарембины, представляющий новозаветные события с точки зрения Богородицы. Произведение продолжает феминистскую линию в творчестве автора: в центре внимания — переживания матери, знающей о скорой смерти сына, но бессильной что-либо изменить. Трагизм усиливает двойственность положения Девы Марии, человека, непосредственно соприкоснувшегося с божественным. Хотя внешне Мария ведет обычную жизнь, обладание сакральным знанием о миссии Иисуса противопоставляет ее другим людям, делая чужой для земного мира: так, например, Мария не присоединяется к горю матерей убитых в Вифлееме младенцев, зная, что их смерть будет восполнена жертвой Христа. Одновременно наблюдается разрыв и с небесным миром: именно Бог, жестокий и далекий, является причиной будущего несчастья Марии, в чем она прямо его упрекает. Через противопоставление *человеческое — небесное* раскрывается развитие отношений Богоматери с сыном: если в начале цикла акцентируется человеческая природа младенца (что выражает протест Марии против божественной миссии Христа и подчеркивает близость с ним), то разрыв между повзрослевшим сыном и матерью в стихотворениях второй половины цикла выражается в том числе именованием Иисуса Сыном Бога. Отмеченная инаковость Богородицы, ее отчужденность рождает чувство одиночества, пронизывающее все стихотворения цикла.

Ключевые слова: поэзия, польская литература, Шельбург Зарембина, Богородица, материнство, оппозиция «свой — чужой», «иной».

Информация об авторе: Ольга Сергеевна Румянцева — младший научный сотрудник, Институт славяноведения Российской академии наук, Ленинский просп., д. 32А, 119334 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0486-9320>

E-mail: o.rumiantseva@yandex.ru

Дата поступления статьи: 04.09.2025

Дата одобрения рецензентами: 05.09.2025

Дата публикации: 28.12.2025

Для цитирования: Румянцева О.С. «Мать Бога? Людей? Чья?»: Богородица в стихотворном цикле Э. Шельбург Зарембины «Мать и Сын» // Вестник славянских культур. 2025. Т. 78. С. 225–232.

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-78-225-232>

Богородичный куль в Польше имеет давнюю традицию: старейший дошедший до наших дней поэтический текст на польском языке — религиозная песнь “*Bogurodzica*” XIII в., долгое время служившая гимном Королевства Польского и Великого княжества Литовского. В 1656 г. король Ян Казимир провозгласил Деву Марию Королевой Польши. Особенное отношение к Божьей Матери отмечается в стране и сегодня: в 2016 г. Марии было посвящено 66% всех польских святынь [5, с. 188].

Почитание Марии находит отражение в произведениях искусства. Литературную традицию рассматривает в монографии «Библия и польская литература» К. Буковский [1]. Автор прослеживает эволюцию представлений о Божьей Матери на протяжении веков и описывает смещение акцентов: так, если Средневековые выводило Мать Христа на первый план, то поэты эпохи барокко начинают говорить о Богородице на фоне ее отношения к Сыну. Фокус на образе Иисуса даже в произведениях, посвященных собственно Марии, сохраняется, по словам К. Буковского, до 80 гг. XX в. [1 с. 199]. Авторы преимущественно подчеркивают посредничество и заступничество Марии, но не интересуются ее личностью, не осмысляют переживаний, связанных с божественной природой ее материнства.

С этой точки зрения среди других произведений выделяется стихотворный цикл Э. Шельбург Зарембины «Мать и Сын» (*Matka i Syn*) (1959–1960), который, вопреки традиции, изображает новозаветные сюжеты с перспективы Девы Марии, представляя ее внутренний монолог.

Э. Шельбург Зарембина (1899–1986) известна в Польше как автор стихотворений для детей, хотя ее творческое наследие гораздо богаче. Только в межвоенное двадцатилетие у писательницы вышло 7 повестей (*Ta, której nie było* (1925), *Polne grusze* (1926), *Dokąd?* (1927), *Dziewczyna z zimorodem* (1928), *Chusta Weroniki* (1930), *Wędrowka Joanny* (1935), *Ludzie z wosku* (1936)), предназначенных для взрослых, в которых она исследует телесность (болезнь, сексуальное влечение, взросление и созревание) и безумие. По словам П. Кулявика, эти произведения представляют «героев бешеных, страдающих, ищущих собственного места в жестоком мире, одержимых силами природы, которая оказывает деструктивное влияние на их жизнь» [4, с. 45]. В тематике произведений Шельбург Зарембины прослеживается влияние не только развивающейся теории психоанализа, но и идей феминизма, распространяющихся в Польше в описываемое время.

Осмысление опыта материнства — одно из важных направлений женской прозы межвоенного периода. Анализу произведений на эту тему посвящен, например, раздел монографии Э. Красовской «Женским пером. Проблемы женской прозы межвоенного двадцатилетия», в котором исследовательница отмечает:

Образец художественного представления рождения установили мужчины. Ничего удивительного, что он стал одним из первых стереотипов, за борьбу с которым взялись женщины [3, с. 152].

Стихотворный цикл «Мать и Сын», созданный уже после войны, органично входит в контекст женской литературы и продолжает феминистскую линию в творчестве поэтессы. Цикл предлагает новый взгляд на хорошо известный библейский сюжет: в центре внимания автора оказывается не жертва Христа ради спасения мира, а трагедия Его матери. Характерно заглавие произведения: сначала Шельбург Зарембина называет Мать и только после этого — Сына.

Сборник открывает стихотворение «Это Она» (*To Ona*). При описании событий Рождества автор меняет пассивную конструкцию *Dziecie się narodziło* (Дитя родилось) на активную *Ona rodzi* (Она рожает), тем самым выводя Марию на первый план и напоминая читателю — история Сына начинается с Матери: *Мы говорим: / Рождество Христово. / Дитя родилось. / А это Она рожает каждый год в муках, / зная от минуты зачатия, / на какие мучения / и на какую смерть производит Сына / на свет* [6, с. 7]¹. Автор возвращает Марии субъектность, смещает фокус на ее внутренний, эмоциональный опыт. Так, на фоне Пасхи и Рождества, дней для всех христиан светлых и праздничных, Шельбург Зарембина изображает страдания, которые Матери пришлось испытать: *Мы говорим: / Воскресение. / А Она, у пустой могилы стоя на коленях, / складки, / оставленные в полотне савана, разглаживает / и поет колыбельную: / Баю-бай!..* [6, с. 8]. Как справедливо заметила польская исследовательница А. Чайковская, «Богородица в ее [Шельбург Зарембины] поэзии не Одигитрия, а скорее сосредоточенная на своих чувствах, сознательная, современная женщина» [2, с. 381].

Смещение акцентов дает автору возможность сосредоточиться на уникальных переживаниях человека, так близко столкнувшегося с божественным. Необычные обстоятельства, в которых оказалась героиня, при одновременной необходимости продолжать с виду обычную жизнь приводят к острому внутреннему конфликту я — другие.

На первый взгляд, Божья Матерь будто **ничем не отличается от других женщин**. В стихотворении «Разговор с Мартой» (*Rozmowa z Martą*) поэтессы подробно изображает быт: *Ты накрываешь чистым полотном стол. / Так и делаю, Марта. / И я муку на хлеб / черпаю из ящика, / который и у меня стоит на сквозняке, / чтобы содержимое всегда оставалось сыпучим, / не затхлым* [6, с. 46]. Марта (в русской традиции Марфа), которая, согласно библейскому преданию, принимая Христа в своем доме, занималась приготовлением угощения, в то время как ее сестра Мария слушала Иисуса, сидя у его ног, предстает в традиционной для женщины того времени роли хозяйки. Сравнивая Деву Марию с Мартой, описывая ее обязанности, автор ставит Богородицу в один ряд с другими женщинами. Показательны также сравнительные конструкции *tak i ja* и *i ja* или *nie tylko ja, każda z matek* ‘не только я, каждая из матерей’, отмеченные в стихотворении «Бдение» (*Czuwanie*) [6, с. 73].

Той же цели служит портретная характеристика. Автор акцентирует детали внешности, нехарактерные для канонических текстов — натруженные руки с кровью под ногтями. Портрет сопровождается словами: *Обычно — руки матери. / Иной раз из-под ногтей / брызжет кровь. / Обычные веци* [6, с. 54]. Характерны выбираемые поэтессой эпитеты: *ludzki* ‘человеческий’, *zwykły* ‘обычный’, *zwyczajny* ‘обыкновенный’. Шельбург Зарембина прямо указывает на принадлежность Марии земному миру: *она из людей, / человеческим делам ближе, / чем Божественным* [6, с. 20–21].

Однако одновременно с этим Богородица **другая**. Она избранная, что проявляется в обладании большим, божественным, знанием: *Извини, что я тебя понимаю. / (Не понимала бы сына?) / Да, Сын, / я не буду, как другие. / Я знаю, чего другие не знают. / Я всегда о тебе знала* [6, с. 40]. По этому признаку Мария противопоставляется даже ученикам Христа: *В Твоих шагах я читаю то, / что другим, ученикам, / ты должен громко словами сказать, / чтобы их уши и сердца тронуть* [6, с. 75]. В отличие от традиционных религиозных представлений Мария в сборнике Шельбург Зарембины детально знает о миссии Иисуса, его грядущей смерти и воскресении.

¹ Здесь и далее цитаты приведены в переводе автора статьи.

Еще больше инаковость ощущается в отношениях с другими, обычными, людьми. В стихотворении «В тот вечер» (*Owego wieczora*) эмоционально изображаются события рождественской ночи. Стихотворение открывается описанием уюта домов Вифлеема: столов, накрытых белыми скатертями к ужину, свежей постели, теплой воды в тазах. Однако двери домов закрыты на засовы. Мария говорит: *Не стучи напрасно, Иосиф. / Пойдем / от этих негостеприимных / человеческих жилищ / за город / к хлеву в скале. Там / проспят эту ночь / наши маленький* [6, с. 12]. Контрастны характеристики людей деминутивные формы, которые используются по отношению к животным, разделившим с Семейством минуты рождества, обогревшие и накормившие дитя: *owieczka z cieplutkim, mięciutkim runet* ‘овечка с тепленькой,мягонькой шерстью’, *osiołek* ‘ослик’, *mięciutkie długie-długie uszy* ‘мягонькие длинные-длинные уши’. Сравнительный оборот объединяет Младенца Иисуса с ягненком, в чем можно усмотреть намек на грядущую жертву Христа, Агнца Божьего: *Овечка позвала ягненка: / Дам тебе поесть / и ребенку, / который, как и ты, / теплого молока жаждет* [6, с. 14].

Различие между Марией и другими людьми достигает критической точки в стихотворении «Бегство в Египет» (*Ucieczka do Egiptu*). Божья Матерь отстраняется от боли других женщин, матерей убитых младенцев: *В безопасности под фиговым деревом, / которое на чужой земле / дает мне тень, / я слушаю / плач вифлеемских матерей над младенцами, / побитыми мечами, / я одна без слез, / немая* [6, с. 19–20]. Осознавая их горе, Мария не присоединяется к нему, зная, что эта жертва восполнится жертвой Иисуса. Так Богородица становится **чужой** для мира людей, зная, что точно так же одинока она будет в смерти своего сына: *Я знаю, / говорит Писание, пророки: / «Сын Божий повиснет на кресте». / Я знаю. / Все матери / мы будем стоять там вблизи. / Но плакать буду я одна* [6, с. 21–22].

Определение **чужой** принадлежит самой поэтессе. В стихотворении «Брак в Кане» (*Gody w Kanie*) чужой и человеческий становятся контекстуальными синонимами: *Мы сюда сегодня пришли / на этот свадебный тир / смотреть на чужое счастье, чужому, человеческому, радоваться / по-соседски* [6, с. 35]. Марии простое человеческое счастье недоступно: с болью звучат мечты о будущей семье сына — Божья Матерь понимает, что они никогда не исполняются. С помощью синтаксиса автор передает волнение Марии, обращающейся к Иисусу: *Извини, / иногда... / Извини, / я думаю ... / о твоей жене. / Я знаю, что не должна, / думаю ... / о детях. / Проходят годы. / Время летит, / унося надежду, / которая рано умирает, / потому что не Время, / меня, мать, вырывает / из моего человеческого счастья: / обычной заботы о внуках. / Растревоженная, / как от сна, / пробуждаюсь я от таких мыслей* («Брак в Кане», 34). Не называя Бога, Богородица обвиняет его в уготованной ей боли. А в стихотворении «Бегство в Египет» Бог становится воплощением мощной враждебной силы, от которой нужно спасаться: *Не от короля Ирода / я убегала, / еле живая от страха / — от Бога* [6, с. 18].

Трагедия матери, ожидающей смерти собственного ребенка с минуты зачатия, приводит к бунту против божественного замысла. Мария упрекает Бога, что он покинул их и с сыном в момент рождения: *Двою, мы были одним. / Гром. / Пещера. / Мы. / Одни. / А это огромное небо / и Тот, кто в нем царит, / был ли с нами? / Я не помню. Маленькое беззащитное тельце, / теплое, пахнущее молоком / — так тебя чувствовала, / как себя: / человеком* [6, с. 36]. Маленький человек противопоставляется огромному безразличному небу как теплое свое холодному чужому. Обращает на себя внимание переосмысление идиомы *przychylić nieba* ‘досл. наклонить небеса’, которое имеет значение ‘сделать все, чтобы кто-то другой был счастлив’. Счастье с «ужасным» небом

не может быть связано: *Осматривается мать, / как это бывает, / когда для ребенка / готова достать луну с неба! / НЕБА? / Ужасное слово. / Я должна была ошибиться! / Ты не слышал, ведь правда? / Не слышал, Сыночек, / этого слова. / О любимый! / О дорогой! / Я тебе ЗЕМЛЮ / под ноги / подстелила* [6, с. 35]. Так чуждым, враждебным Марии становится и небесный мир.

Человеческая природа Иисуса акцентируется в ряде стихотворений цикла. Мария противится божественности, а значит, и миссии Сына, пытаясь спасти его от преждевременной смерти. Характерны притяжательные местоимения *мой ребенок, мое дитя, определения из плоти и крови*. В «Бегстве в Египет» Богородица молит Бога: *Оставь меня, / Боже, в покое / с моим ребенком из плоти и крови! / Хоть раз будь же человекен: / освободи нас от себя, / меня и мое дитя! / Мой ребенок / пусть живет / или пусть умирает, / как люди по всему миру, / не зная времени и дня* [6, с. 19]. Человеческая природа ассоциируется с милосердием, а божественная сущность воспринимается как жестокость.

Острой болью звучит осознание, что Иисус не ее сын, а сын Бога: *О! / еще сегодня я готова забыть, / что Сын мой — не мой! / Что волей Его Отца Он обречен / на смерть. / А эта воля — моей важнее!* [6, с. 28]. Между Матерью и взрослеющим Сыном прослеживается отдаление. Любаясь невестой на брачном пире в Кане Галилейской, мечтая о будущем Иисуса, высказывая боль о невозможности человеческого счастья, Мария обращается к сидящему рядом Сыну, однако тот не может ее понять: *Кому я говорю?! / Ты не смотришь в ту сторону. / Глаза не смотрят / на меня, / на стол и на город Кана. Куда ты направляешь свой взор?* [6, с. 37]. Мать окончательно осознает, что Иисус уже принадлежит чужому миру.

Переживанию изменений в отношениях со взрослым сыном посвящено стихотворение «Его мать» (*Jego matka*). В начале Шельбург Зарембина изображает детство, когда Мария и Иисус ходили вдвоем, были вдвоем, и отчество, когда Иисус нашел товарищей у *нас* [6, с. 59, с. 60]. Однако начав служение, Христос отдаляется: подчеркивая разрыв, для номинации Богородицы по отношению ко взрослому Иисусу поэтесса вводит перифразический оборот, замещающий лексему *мать*: *А может, / уже только жалел / старую женщины, / которая когда-то / кормила Его молодой грудью, / когда был младенцем...* [6, с. 61]. Поэтесса воспроизводит библейский эпизод: в ответ предупредившему, что мать ждет у дома, Иисус указывает на учеников: «Вот мать моя». Поэтесса изображает растерянность и боль, которые эти слова будят в Богородице. С новой силой акцентируется одиночество: *Я смотрю / на мою упавшую, пустую руку, / из которой он вырвал свою / решительно / и так окончательно. <...>. Стою у чужого дома, / не понимаю ни слова / из многих слов, / сказанных толпе* [6, с. 63].

Помимо одиночества, Мария испытывает злость, причем не только на Бога, обрекшего ее на несчастья, но и на сына, причинившего ей боль своей смертью: *О, как же ты мог, Сын, / в этот страшный / час твоей агонии / покинуть собственную мать!* [6, с. 76]. Одновременно Богородица пытается найти оправдание людям, предавшим Христа: так, в стихотворении «Камень» (*Opoka*) поведение апостола Петра объясняется человеческой слабостью, а в стихотворении «Второй» (*Ten drugi*) освобождение толпой Вараввы, а не Иисуса — страхом перед неизвестным. В стихотворении «Пьета» (*Pieta*) Мария прощает людей: *Не удивляйся, Сын, / что мать палачей Твоих благословляет. / Если бы не люди, / не грешные, / ничего бы не произошло в небе: / я не зачала бы, / не родила / Тебя. / И не узнала бы, / что такая материнская радость / и боль. / Таков, Сын Божий, / о нас обоих рассказ* [6, с. 92–93]. Принятие своей судьбы

и миссии Христа выражает номинация *Сын Божий*: Божья Матерь больше не оспаривает его принадлежность горнему миру. По словам А. Чайковской, «героизм материнства Марии после насыщения в стихотворениях Э. Шельбург Зарембины аутентичной человеческой чувственностью, в финале возвращается сфере сакрум. Там осуществилось вознесение лирической героини — Марии — и была проложена дорога веры для каждой из земных матерей» [2, с. 386].

Итак, в стихотворном цикле «Мать и Сын» Шельбург Зарембина изображает библейские события с нетипичной для религиозного канона точки зрения, фокусируясь на внутреннем опыте Марии. Автор переосмыслияет традиционную библейскую формулу: «Благословенна ты между женами». / Я сияла. / А это значило / «самая несчастная из людей» [6, с. 28]. Благословение Девы Марии оборачивается проклятьем: избранность сопряжена, с одной стороны, с личной утратой. С другой — непринадлежность Богородицы ни к земному миру, ни к сакральному, ощущение инаковости рождает одиночество, пронизывающее весь цикл: *По-настоящему суровая доля / родить человека, / чтобы быть / матерью Бога* [6, с. 56]. Чужой, а значит, той, кто не может быть понят, становится Мария и для людей, и для неба, и даже для сына, что отражается в невозможности найти самоопределение: *Мария, / скорбящая мать Бога? / людей? / чья?* [6, с. 22].

Список литературы

Исследования

- 1 *Bukowski K. Biblia a literatura polska.* Warszawa: Wydawnictwa Szkolne i Pedagogiczne, 1984. 336 s.
- 2 *Czajkowska A. Macierzyństwo Maryi w literaturze polskiej. Matka poskiej literatury // Kościół i Maryja / red. A.A.Napiórkowski.* Kraków: Uniwersytet Papieski Jana Pawła II w Krakowie Wydawnictwo Naukowe, 2021. S. 367–387.
- 3 *Krasowska E. Piorem niewieścim. Z problemów prozy kobiecej dwudziestolecia międzywojennego.* Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM, 1999. 224 s.
- 4 *Kulawik P. Ciało, szaleństwo i chaos: o wybranych międzywojennych powieściach Ewy Szelburg-Zarembiny // Literatura i chaos: szkice o literaturze XX i XXI wieku / red. Gutkowska B., Nęcka A.* Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2016. S. 45–64.
- 5 *Mróz F. Sanktuaria Kościoła rzymskokatolickiego w przestrzeni sakralnej Polski // Kultura i turystyka. Sacrum i profanum / red. Latosińska J., Mokras-Grabowska J.* Łódź: Regionalna Organizacja Turystyczna Województwa Łódzkiego, 2016. S. 183–203.

Источники

- 6 *Szelburg Zarembina E. Matka i Syn.* Warszawa: Instytut Wydawniczy Pax, 1976. 101 s.

© 2025. Olga S. Rumiantseva

Moscow, Russia

**“MOTHER OF GOD? OF MEN? WHOSE?”:
THE VIRGIN MARY IN E. SZELBURG
ZAREMBINA’S POETIC CYCLE “MOTHER AND SON”**

Abstract: The paper examines the poetic cycle “Mother and Son” by the Polish poet E. Szelburg Zarembina, which presents New Testament events from the perspective of the Virgin Mary. It pursues the feminist theme in the author’s work, focusing on the experience of a mother who sees the imminent death of her son but is powerless to prevent it. The tragic effect is intensified by the dual position of the Virgin Mary as a human being in direct contact with the divine. Although Mary outwardly lives an ordinary life, her knowledge of Jesus’s mission sets her apart from other people and marks her as estranged from the earthly world. For instance, she does not share the grief of mothers of the infants killed by Herod in Bethlehem, knowing that their deaths will be redeemed by Christ’s sacrifice. At the same time, there is a rupture with the heavenly realm: it is God — distant and severe — who becomes the cause of Mary’s future sorrow. She explicitly reproaches him for this. Through the opposition between the human and the divine, the development of the Mother of God’s relationship with her son is revealed: while the early poems emphasize Christ’s human nature (which reflects Mary’s protest against his divinity and mission), the later poems show a growing distance between the mother and her adult son, expressed, among other things, in naming Jesus the Son of God. Mary’s otherness and estrangement create a sense of loneliness that pervades the entire cycle.

Keywords: Poetry, Polish Literature, Szelburg Zarembina, Virgin Mary, Motherhood, Opposition “Own — alien”, “Other”.

Information about the author: Olga S. Rumiantseva — Junior Researcher, Institute of Slavic Studies RAS, Leninsky Ave., 32A, 119334, Moscow, Russia

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0486-9320>

E-mail: o.rumiantseva@yandex.ru

Received: September 4, 2025

Approved after reviewing: September 5, 2025

Date of publication: December 28, 2025

For citation: Rumiantseva, O.S. ““Mother of God? Of Men? Whose?”: The Virgin Mary in E. Szelburg Zarembina’s Poetic Cycle ‘Mother and Son’.” *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 78, 2025, pp. 225–232. (In Russ.)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-78-225-232>

References

- 1 Bukowski, Kazimierz *Biblia a literatura polska*. Warszawa, Wydawnictwa Szkolne i Pedagogiczne Publ., 1984. 336 p. (In Polish)
- 2 Czajkowska, Agnieszka “Macierzyństwo Maryi w literaturze polskiej. Matka poskiej literatury.” *Kościół i Maryja*, ed. by Andrzej Napiórkowski. Kraków, Uniwersytet

- Papieski Jana Pawła II w Krakowie Wydawnictwo Naukowe Publ., 2021, pp. 367–387
(In Polish)
- 3 Krasowska, Ewa *Piórem niewieścim. Z problemów prozy kobiecej dwudziestolecia międzywojennego*. Poznań, Wydawnictwo Naukowe UAM Publ., 1999. 224 p.
(In Polish)
- 4 Kulawik, Przemysław “Ciało, szaleństwo i chaos: o wybranych międzywojennych powieściach Ewy Szelburg-Zarembiny.” *Literatura i chaos: szkice o literaturze 20 i 21 wieku*, ed. by Barbara Gutkowska, Agnieszka Nęcka. Katowice, Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego Publ., 2016, pp. 45–64. (In Polish)
- 5 Mróz, Franciszek “Sanktuaria Kościoła rzymskokatolickiego w przestrzeni sakralnej Polski.” *Kultura i turystyka. Sacrum i profanum*, ed. by Jolanta Latosińska, Justyna Mokras-Grabowska. Łódź, Regionalna Organizacja Turystyczna Województwa Łódzkiego Publ., 2016, pp. 183–203. (In Polish)
- 6 Szelburg Zarembina, Ewa *Matka i Syn*. Warszawa, Instytut Wydawniczy Pax Publ., 1976. 101 p. (In Polish)